

КАТЕХИЗИС КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ – ПЛОД II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Созванный в 1985 году Чрезвычайный Синод Епископов провозгласил своей целью «**чествование, сверку и претворение в жизнь**¹» постановлений Второго Ватиканского Собора. С того дня прошло 27 лет. Сегодня, кажется, не менее важно не только чествовать Собор, сколько выверить его постановления и переосмыслить их воплощение в жизнь.

Четыре герменевтики

Вопрос восприятия и сверки учения Собора занимает богословов с первого дня после завершения самого Собора. В последние годы интерес к этому вопросу усилился. Обращение Папы Бенедикта XVI к сотрудникам Римской Курии сразу после его избрания на пост Понтифика является прекрасным выражением восприятия Собора. Святейший Отец обращает внимание на существование относительно Собора двух герменевтических подходов. "Проблемы с восприятием [Собора] возникли из начавшегося противопоставления двух конфликтующих герменевтик и спора по этому вопросу. Одна вызвала замешательство, вторая - сдержанно, но все более заметно – стала приносить плоды и приносит их до сих пор. С одной стороны существует толкование, которое я бы назвал **«герменевтикой прерывания и разрыва с прошлым»**; нередко она пользовалась симпатией СМИ и части современных богословов. С другой стороны существует **«герменевтика реформы»**, обновления, сохраняющего преемственность предмета - Церкви, которую дал нам Господь; этот предмет со временем растет и развивается, но всегда остается тем же, единым предметом - шествующим по пути Народом Божьим²». Для сверки Соборного учения выбор герменевтики неизбежен, так как в зависимости от принятых установок будет сделан выбор относительно воплощения в жизнь Церкви решений Собора.

Представляется, что на сегодняшний день мы можем выделить четыре подхода к наследию Собора. Два из них охарактеризовал Бенедикт XVI. Это «герменевтика разрыва» и «герменевтика обновления в преемственности». Представителем первого типа герменевтики может быть назван, к примеру, проф. Г. Альбериджио и Болонская школа. Его многотомный труд по истории и толкованию Собора оказал влияние на

¹ См.: *Powstanie i znaczenie Katechizmu Kościoła Katolickiego w wypowiedziach papieża Jana Pawła II i kardynała Josepha Ratzingera*, red. J. Królikowski, Poznań 1997, стр. 11.

² Ср. <http://sanctus.pl/index.php?grupa=90&podgrupa=91>. Польская версия выступления была опубликована в: *L'Osservatore Romano*, 2/2006.

многие интеллектуальные круги, в том числе и в Церкви³. Другой способ прочтения Собора совсем недавно предложил архиепископ А. Маркетто⁴. Он соответствует охарактеризованной Бенедиктом XVI «герменевтике обновления в преемственности». Можно было бы ограничиться представлением этих двух основных принципов толкования. Однако стоит обратить внимание и на два других.

По мнению польского богослова Юзефа Маевского альтернатива «герменевтика обновления в преемственности» - «герменевтика разрыва» - не исчерпывает всех возможных оценок перелома, произошедшего вследствие Второго Ватиканского Собора. По мнению ученого, возможно, следует пойти по стопам австралийского богослова Ормонда Руша, который различает «макроразрыв» - то есть радикальный разрыв с великой традицией Церкви, и «микроразрыв», когда раскрывается подлинная новизна и отсутствие преемственности в некоторых аспектах традиции в более широком смысле. По его мнению, Собор вел к микроразрыву, а не к макроразрыву⁵. Маевский, тем не менее, рассматривает этот принцип в более широкой перспективе. По его мнению, в истории христианства есть только одно событие, достойное сравнения с Собором, это процесс вживления Церкви из еврейской культуры в эллинистическую. «С богословской точки зрения, - пишет Маевский - можно говорить о трех великих (хотя и неравных по времени) эпохах в истории Церкви. Первая – это краткий период иудеохристианства. Вторая, это девятнадцать веков истории Церкви в эллинистической и европейской культуре. Третья, это время, когда жизнь и деятельность Церкви действительно открылись другим культурам мира, так что можно сказать, что Церковь поистине начинает охватывать весь мир. У истоков первой эпохи стоит Иисус из Назарета, второй - Павел из Тарса, а у истоков третьей - Второй Ватиканский Собор».⁶ Претворение в жизнь этого третьего этапа потребует еще большей открытости другим культурам. По мнению польского богослова сейчас должен быть сделан «прыжок» от Западной Церкви к Мировой Церкви. Этот тип герменевтики можно назвать **"герменевтикой преодоления"**. То, что произошло на Соборе, превосходит наши возможности понимания этого события. Центр тяжести полагается не в прошлом, как в герменевтике преемственности, не в настоящем, как в герменевтике разрыва, а в будущем.

Если присмотреться к истории восприятия Собора и взаимного перекрытия его различных интерпретаций, то можно заметить, что история повторяется. В 1968 году Йозефа Ратцингера попросили провести лекцию на

³ Ср. G. ALBERIGO, *Storia del concilio Vaticano II* (vol. 4), Bologna 1999. Перевод на русский язык: *История Второго Ватиканского собора*, в 5 т., Москва 1995—2001.

⁴ Ср. A. MARCHETTO, *Il Concilio Ecumenico Vaticano II. Contrappunto per la sua storia*, Città del Vaticano 2005. Большая часть книги доступна в русском переводе: *II Ватиканский собор. Контрапункт в истории*, пер. О. Воскобойников, Москва 2009.

⁵ Ср. J. MAJEWSKI, *Trzecia faza*, „Tygodnik Powszechny” 52/25.12.2011, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 24-25.

тему «Какой будет Церковь в 2000 году?» По его мнению, ключевой была постановка вопроса: «Где кроется то, что принесет плод в будущем?» Затрагивая ситуацию постсоборного кризиса Ратцингер апеллирует к эпохе Просвещения, показывая, что она не была однородным движением, что в нем были герои и антагонисты в самом лоне церковных структур. Часть иерархии выступала в пользу решительного диалога с просветительской мыслью, не опасаясь даже утраты ортодоксии. Примером может архиепископ Парижа Гобель. Он так доблестно шел за прогрессом, что сначала ушел из Церкви, затем торжественно отрекся от священного сана, а в конце концов сам пал жертвой прогресса. Когда при Робеспьере атеизм вдруг стал считаться преступлением, архиепископа приговорили к смерти на гильотине и казнили. Совершенно другой пример показал епископ Зайлер из Регенсбурга. «Этот человек и его широкий круг друзей и учеников начал движение, гораздо дальше, чем горделивые последователи Просвещения, смотрящее в будущее⁷,» - пишет Ратцингер. Но его усилия остались в тени движения, которое только зарождалось. Глядя на такие различия, мы видим, что вопрос «где кроется то, что принесет плод в будущем?» остается без ответа. Конечно, плоды принесли не поступки Гебеля, который поплатился головой за свои странные идеи относительно реформы Церкви. Немногие помнят и личность епископа Регенсбурга, который пытался возродить простое благочестие сердца. Получается, что те, чьи имена были на устах современников, канули в тумане истории, и их биографии читают только любознательные историки. Чтобы выразить слово Церкви и дать ответ на вопрос «где кроется то, что принесет плод в будущем?», Ратцингер обращается к личности Климента Хофбауера, «ставшего святым чешского подмастерья пекаря», который изменил облик Западной Европы. По мнению Ратцингера, что отличает язык святости от других, уже известных нам голосов, это умение рисковать всей своей жизнью. «Таким образом, мы подошли, наконец, к тому, о чем на самом деле идет речь, - пишет Ратцингер – будущее творит лишь тот, кто отдает себя»⁸. Таким образом, мы дошли до четвертой герменевтики Собора, которую мы определяем как «герменевтику свидетельства». Представители этого типа мышления - Мать Тереза, Жан Ванье и Кьяра Любич: люди, которые всей своей жизнью свидетельствуют о силе Евангелия.

Из представленных выше четырех герменевтик, «герменевтика преемственности» и «герменевтика свидетельства», кажется, заслуживают особого внимания, тем более когда поднимается вопрос о катехизации и передаче веры.

Новый инструмент

Мы видим, что, с одной стороны, необычайно важно принять некий

⁷ J. RATZINGER, *Wiara i przyszłość*, Warszawa 1975, стр. 73.

⁸ Там же, стр. 74

герменевтический ключ, от которого зависит выбор конкретных действий. Насколько важна эта проблема, видно хотя бы на примере реформы литургии после Собора. Епископы, собравшиеся в 1985 году на заседание Синода, прекрасно отдавали себе отчет в трудностях, возникающих в процессе воплощения в жизнь постановлений Собора. Среди внутрицерковных причин основной было названо частичное и выборочное прочтение Собора и поверхностное толкование его учения: «Те и другие недостатки свидетельствуют о необходимости более тщательного восприятия Собора. Это требует выполнения четырех последовательных шагов: более широкого и глубокого изучения Собора, его внутренней ассимиляции, нового принятия его с любовью и воплощения в жизнь⁹». В этой связи епископы видят необходимость не только в постановке вопроса о восприятии решений Собора, но и в разработке нового инструмента в деле передачи веры. Их желание было четко изъявлено: **«Нашим, практически единодушным решением является то, что должен быть разработан катехизис или компендиум всего католического учения в области веры и нравственности**, который станет своего рода эталоном для катехизисов или компендиумов, которые будут разрабатываться в разных странах. Изложение вероучения должно быть одновременно библейским и литургическим, представляющим здоровое учение и подходящим для жизни христиан сегодня¹⁰». Как видно, с одной стороны, очень важно выбрать герменевтику, интерпретирующую Собор, а, с другой стороны, существует необходимость в разработке специальных инструментов, которые позволят воплотить в жизнь постановления Собора в соответствии с принятой герменевтикой. Обращаясь к комиссии, готовящей Катехизис, Папа Иоанн Павел II сказал: «Очевидно, что постоянным ориентиром для проекта Катехизиса должно стать учение II Ватиканского Собора, **понимаемое как продолжение и восполнение всего дособорного учения Церкви**. Это основное требование: Катехизис, с надлежащим уважением к иерархии христианских истин, должен быть действительно «компетентным», чтобы стать действенным инструментом катехизации¹¹». Мы видим, что Иоанн Павел II пишет о «продолжении и восполнении всего учения Церкви до Собора». Это утверждение лежит в плоскости «герменевтики преемственности», предложенной Бенедиктом XVI. Такой образ мышления о христианской традиции был четко изложен в Апостольской Конституции «Залог веры» (Fide depositum), где говорится: «Новый Катехизис содержит новое и старое, потому что вера всегда остается такой же, а вместе с тем является источником всё нового света. Чтобы исполнить это двойное требование, Катехизис Католической Церкви, с одной стороны, принимает «давний», традиционный уклад, содержащийся в Катехизисе Святого Пия V, деля содержимое на четыре части: исповедание веры (Credo), святая Литургия с

⁹ Powstanie i znaczenie Katechizmu..., стр. 13.

¹⁰ Там же, стр. 20

¹¹ Там же, стр. 34-35

особым акцентом на таинства, принципы христианской жизни, изложенные на основании десяти заповедей, и, наконец, христианская молитва. В то же время содержание зачастую изложено по-новому, чтобы отвечать на вопросы нашего времени¹²». Катехизис по замыслу его составителей должен стать действенным орудием в передаче веры, созданным на основе учения II Ватиканского Собора, которое является продолжением и дополнением всего дособорного Учения Церкви.

Такой подход, естественно, встретил не только одобрение, но и критику. Кардинал Йозеф Ратцингер в 2002 году выступил с докладом на Международном Катехитическом Конгрессе в Ватикане и заявил, что Катехизис был встречен со скептицизмом или прямым осуждением со стороны католической интеллигенции в западных странах. Критикой, по его словам, был встречен централистический способ составления Катехизиса, критики презрительно заявляли, что представленное в нем толкование веры является статическим, догматическим и "дособорным"; авторов упрекали в том, что они не учли изменений, которые имели место в богословии и экзегетике за последние столетия¹³. В чем, согласно Ратцингеру, корень этих обвинений? В неправильном подходе к цели и значению катехизиса. **«Катехизис является учебником не богословия, но веры, или передачи веры»**, - пишет Ратцингер¹⁴. В современной богословской мысли часто не хватает этого базового разграничения: на пути интеллектуальных размышлений богословие не открывает, во что можно верить, а во что нет, потому что в противном случае христианская вера была бы всего лишь продуктом нашего мышления и не отличалась от философии религии. Правильно понятое богословие скорее является усилием, направленным на осознание предшествующего ему дара познания. Катехизис занимается затем возвещением веры, а не богословием, хотя очевидно, что для адекватного представления о вере Церкви необходима и интеллектуальная рефлексия, потому что вера также является предметом понимания и богословского исследования. Однако это не исключает различия между провозглашением веры или свидетельством о ней с одной стороны и богословской рефлексией с другой. **«Катехизис не может иметь форму *questio disputata*, которая является классической формой богословских трудов, он, скорее, свидетельство и возвещение, вытекающее из внутренней уверенности веры¹⁵»**. Если такова цель и задача катехизиса, то, безусловно, в его воплощении поможет «герменевтика преемственности» и «герменевтика свидетельства».

¹² Там же, стр. 64

¹³ Ср. J. RATZINGER, *Aktualność doktrynalna Katechizmu Kościoła Katolickiego* /8.10.2002/, http://www.opoka.org.pl/biblioteka/W/WK/aktualnoscd_kkk.html.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ср. Там же.

Метод

Цель и задача катехизиса и определяет метод. Ответственность за передачу веры Церкви лежит на епископах. Эту тему поднял кардинал Ратцингер в 1989 году на конференции, проводимой в Ватикане во время встречи с епископами Соединенных Штатов Америки. Анализируя положение Церкви после Собора, он заявил, что, глядя на развитие катехизации за последние десятилетия, можно заметить тенденцию ее передачи так называемым экспертам. Богословы начали оказывать влияние не только в академических научно-исследовательских и университетских кругах, но и на публичной арене, через средства массовой информации. Их мнения часто звучат, как «фальшивый концерт, заглушающий голос епископов», которые проповедуют. «Хотя задача епископов относительно проповеди Слова не подлежит обсуждению, - утверждает кардинал Ратцингер, богословы из большинства стран мира в области учительства заняли места епископов¹⁶».

Епископы ответственны за передачу веры. Я убежден, что это первый шаг, который нужно сделать, чтобы успешно воплотить наследие Собора. В «Докладе о состоянии веры» мы находим слова кардинала Ратцингера, которые определяют миссию епископов: «их служение должно воплощать голос простой веры, рожденной из богатого опыта, предшествующего науке. Всякий раз, когда наука возводит себя на уровень абсолютной нормы, вера попадает под серьезную угрозу. В этом смысле, епископы призваны к поистине демократической миссии, потому что они остаются в тесной связи со своими ближними, которых им надлежит верно вести во время шторма. Это миссия, которая имеет мало общего со статистикой, потому что она основана на всеобщем даре крещения¹⁷».

Сейчас я хотел бы перейти ко второму вопросу. Ратцингер говорит о всеобщем даре крещения, которое является основой для передачи веры. В процессе претворения в жизнь решений Собора важна с одной стороны герменевтика, а с другой - подходящий инструмент, которым является катехизис; существен также метод использования инструмента. Я хотел бы привести высказывания трех богословов XX века.

В первой половине XX века Карл Барт спрашивал: "Почему среди нас так много сонных христиан, и так мало христиан, исповедующих свою веру? Именно потому, что крещение принимается неосознанно, что приводит к народному христианству¹⁸". Речь здесь идет не только о самом факте крещения детей, а о том, что оно должно привести к возрастанию в вере.

¹⁶ *Powstanie i znaczenie Katechizmu...*, стр. 13

¹⁷ J. RATZINGER, *Raport o stanie wiary*, Kraków 1986, стр. 56

¹⁸ В: P. NEUNER, *Teologia ecumenica*, Brescia 2000, стр. 201.

Сорок лет назад, на эту же тему выступил православный литургист Александр Шмеман. В своей книге о таинстве крещения он писал: «Знание пасхального измерения Литургии есть нечто больше, чем просто знакомство с еще одной интересной главой в истории богослужения. На самом деле это единственный путь к более полному пониманию крещения, его значения в жизни Церкви и в нашей личной христианской жизни. И именно в этом более полном понимании основного таинства христианской веры и христианской жизни мы нуждаемся в наше время, как ни в чем другом. Почему? Да потому, что, попросту говоря, крещение отсутствует в нашей жизни. Конечно, оно все еще признается как самоочевидная необходимость, не вызывающая сомнений. Оно все время совершается в наших церквях и принимается как нечто "само собой разумеющейся". И, однако, несмотря на все это, я осмелюсь утверждать, что в действительности оно отсутствует и что в этом "отсутствии" коренится трагедия Церкви в наше время»¹⁹.

И, напоследок, высказывание свящ. Франциска Блахницкого, возможно, самое драматическое по своему выражению. «Интересно, что, когда христианская семья была еще тем, чем должна быть, в Церкви не было никакого преподавания религии, никакой катехизации, а христианство было гораздо более живым и динамичным. Сегодня дети что-то слышат на уроках религии, какую-то теорию, а дома им твердят, что это просто красивые фразы, а на самом деле так никогда не бывает. Когда ребенок начинает пользоваться своим собственным разумом, он просто перестает во все это верить, потому что каждый день встречался с противоречием тому, что слышал на уроках религии. После многих лет преподавания религии у нас вырастают всё новые поколения язычников, неграмотных в религиозной жизни, это, в лучшем случае, поколение младенцев во Христе, христиан, живущих по плоти, для которых идеал христианской жизни - только легенды и жития святых из древности и средневековья. (...) Нет другого пути спасения для Церкви, как только заново найти путь формирования зрелых христиан, то есть восстановить катехуменат. Приход, в котором не будет подлинного катехумената, умрет»²⁰.

Высказывания этих трех богословов указывают на настоятельную необходимость обратить внимание на катехуменат как метод катехитической работы. Участники Синода в 1985 году заявляли, что «катехизация должна быть, как это было у истоков Церкви, путем введения в литургическую жизнь (катехизация введения в таинства)»²¹.

На кризис катехизации как средства передачи веры обращает внимание

¹⁹ А. ШМЕМАН, *Водою и Духом. О таинстве крещения*. Москва 2000, стр. 5-6.

²⁰ F. BLACHNICKI, *Sympatycy czy chrześcijanie? Katechumenat na dzisiejszą godzinę*, Kraków 2003, стр. 22.

²¹ *Powstanie i znaczenie Katechizmu...*, стр. 21.

кардинал Ратцингер на беседе в Соборе Парижской Богоматери в 1983 году. Он говорил, что первой ошибкой было упразднение катехизиса и заявление о неактуальности этого литературного жанра. Катехизис как книга был введен только во время Реформации, но сама передача веры как основная структура, родившаяся из логики веры, является столь же древней, как катехуменат. Она проистекает из природы Церкви и характера веры. Ратцингер утверждает, что отступление от такого способа передачи веры было вызвано общей эволюцией обучения и педагогики, «которая характеризуется главенством метода над содержанием. Методы становятся критериями содержания вместо того, чтобы быть его носителями (...). Первенство метода над содержанием означает превосходство антропологии над богословием²²». Это соответствовало общей тенденции подчинения истины практике (на что неоднократно указывал кардинал Ратцингер). В связи с этим акцент должен быть сделан на содержание передаваемой веры, на содержание самого Credo.

Катехизис в первой части указывает на различные формы исповедания веры, которые существуют в Церкви: крещальное исповедание веры, исповедания веры, сформулированные Соборами, исповедания веры, высказанные Римскими Папами. Каждое из них имеет свое специфическое значение. Однако архетипом исповедания веры, на который опираются все прочие, является крещальное исповедание веры. Там, где речь идет о катехизации, то есть о внедрении веры в жизнь в единстве веры Церкви, нужно исходить из крещального исповедания веры. Такова древняя традиция Церкви, и поэтому она должна была быть рассмотрена и в Катехизисе. Кардинал Ратцингер в своей лекции на открытом заседании Синода Римской Епархии в 1993 году говорил: «Катехизис развивает веру, начиная с крещального исповедания веры. Так становится ясно, каким образом он хочет научить вере: катехизация является катехуменатом. Это не просто урок религии, а процесс вверения себя и принесение в дар слову веры, в единстве с Иисусом Христом»²³.

Катехизис – это плод Второго Ватиканского Собора. Чтобы внедрить его в жизнь Церкви, необходимо использовать надлежащую герменевтику. Особенно ценна для катехизации «герменевтика преемственности» и «герменевтика свидетельства». Сам способ толкования, однако, недостаточен, он требует предоставления инструмента, который будет в гармонии с ним. Это катехизис, который является не учебником богословия, а свидетельством передачи веры. Ответственность за эту передачу лежит, прежде всего, на епископах, а не на богословах. Метод же

²² Там же, стр. 69.

²³ *Powstanie i znaczenie Katechizmu...*, стр. 122.

передачи должен быть методом катехумената. Таким образом, быть может, удастся достигнуть цели, которую ставил перед нами еще катехизис Пия V:

«Единственную цель обучения следует видеть в любви, которая никогда не перестает. Ибо можно совершенным образом представить то, что должно быть предметом веры, надежды и действия, но прежде всего, надлежит являть любовь нашего Господа, дабы все уразумели, что каждый истинный христианский акт добродетели не имеет других источников, кроме любви, и другой цели, кроме любви». (Введение, X).